

Николай Николаевич Евреинов

Тайна Распутина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Николаевич Евреинов**
Тайна Распутина / Николай Николаевич Евреинов – М.: Книга по Требованию,
2012. – 60 с.

ISBN 978-5-4241-2697-0

Кем был на самом деле этот "последний мужик" из бедного села Тобольской губернии, сумевший стать "первым" в Царском Селе Петербургской губернии, мы постараемся выяснить дальше с тою обстоятельностью, какую дает нам изучение исторических документов; - пока же остановимся пристально на этом решающе-важном как для карьеры Распутина, так и для последних лет царствования четы Романовых факте: - Николай II считал Григория Ефимовича Распутина-Новых за праведника, за "человека божьего", равного святому, быть может даже за равного... Христу.

ISBN 978-5-4241-2697-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Евреинов Н Н
Тайна Распутина

Н. Н. ЕВРЕИНОВ
ТАЙНА РАСПУТИНА

I.

СВЯТОЙ.

- Правда ли, что Григорий Ефимович - святой человек?

С таким вопросом обратился однажды к Николаю II его собственный сын незадолго до убийства Распутина, назвав последнего по имени и отчеству, в то время, как в интимном царственном кругу его обычно звали "отцом Григорием", "другом", "старцем", или просто "Он" - местоимением, уснащающим переписку Романовых в различных падежах, но с неизменно прописной буквой. Вопрос был задан, за "высочайшим" столом, к которому приглашался обыкновенно и протоиерей о. А. Васильев, бывший настоятель царскосельского Феодоровского собора, священник, к которому был очень привязан наследник, как к своему воспитателю и учителю "закона божьего".

Николай II, вместо ответа наследнику, попросил тут же дать соответствующее ему разъяснение о. А. Васильева, чье отношение к Распутину, после целого ряда газетных разоблачений личности знаменитого "старца", скандальных слухов о нем, думских запросов о его влиянии на политику и пр. - считалось при дворе крайне подозрительным. Рассказывая об этом случае С. П. Белецкому (б. директору департамента полиции), о. А. Васильев вспоминал, "как пытливо на него смотрела императрица, не спуская с него своего взгляда во время его ответа" 1.

Хорошо понимая щекотливое положение, в которое его поставили как вопрос наследника, так и предложение его "августейшего родителя", о. А. Васильев не дал в свою очередь прямого ответа, а объяснил Алексею, "какие требования предъявляет завет спасителя и священное писание к каждому, кто искренно желает угодить богу".

Государь, после этого, встал из-за стола, и разговор на этом оборвался 2.

Почему же, спрашивается, царь "встал из-за стола" и тем демонстративно оборвал разговор?

По той простой причине, что Распутин был давно уже в глазах его святым и, следовательно, рассуждение о его святости, далекое от ее апологии, было не чем иным, как лишь суетным мудрствованием, неуместным и даже оскорбительным в отношении высочайше-чтимого "друга" и спасителя царской семьи.

- Вот, посмотрите, - говорил однажды Николай II одному из своих адъютантов Д. - Когда у меня забота, сомнение, неприятность, мне достаточно пять минут поговорить с Григорием, чтобы тотчас почувствовать себя укрепленным и успокоенным. Он всегда умеет сказать мне то, что мне нужно услышать. И действие его слов длится целые недели... 3.

В пять минут смочь "укрепить" и "успокоить" своим простецким "мужицким" разговором самого "самодержца всея России", когда у него "сомнение" и "неприятности", когда "зарвавшийся неприятель" вторгся в пределы "святой Руси", кругом угроза "крамолы", а на руках больной, кровоточивый наследник колеблющегося престола, - для этого поистине надо быть или "святым", "чудотворцем", или чем-то вроде этого.

Кем был на самом деле этот "последний мужик" из бедного села Тобольской губернии, сумевший стать "первым" в Царском Селе Петербургской губернии, мы постараемся выяснить дальше с тою обстоятельностью, какую дает нам

изучение исторических документов; - пока же остановимся пристально на этом решающе-важном как для карьеры Распутина, так и для последних лет царствования четы Романовых факте: - Николай II считал Григория Ефимовича Распутина-Новых за праведника, за "человека божьего", равного святому, быть может даже за равного... Христу.

Тщетно, в продолжение почти целого десятилетия, старались многие, и многие из приближенных царя разуверить его в "святости" этого, далеко еще не старого "старца", сплетавшего с каждым годом все теснее и теснее свою судьбу с судьбой дома Романовых. Результаты всех этих разуверений в разоблачений не приводили ни к чему иному, как к немилости и форменной порой опале непрошенных осведомителей.

Первым, кажется, из пользовавшихся доверием царя разоблачителей Распутина потерпел неудачу П. А. Столыпин.

С докладной запиской в руках, составленной командиром корпуса жандармов П. Г. Курловым, на основании данных департамента полиции, о кутежах "святого старца", кончавшихся обыкновенно крупными скандалами, о любовных похождениях сего "праведника" и об авантюризме дурного тона этого "человека божьего", - П. А. Столыпин "поверг к стопам" Николая II свое почтительное предостережение от близости к обласканному им крестьянину. Прав был Курлов, когда советовал Столыпину "не делать этого, так как такой доклад, содержащий только данные о частной жизни Распутина, произвел бы на царя впечатление, будто хотят очернить в его глазах человека, к которому он благоволит. Столыпин меня не послушал, сетует Курлов в своих воспоминаниях, - но когда вечером вернулся из Царского Села, то призвал меня к себе и сказал, что я был совершенно прав: выслушав доклад о Распутине, царь не сказал ни одного слова, а велел перейти к докладу о текущих делах" 4.

Не подействовали на царя и газетные разоблачения "подвигов" знаменитого старца, начавшиеся в 1910 г., когда стали писать о нем, по выражению б. иеромонаха Илиодора, "весьма срамные вещи".

Выступление А. И. Гучкова с думской трибуны, когда сей лидер октябристов, в достаточно прозрачных выражениях, посмел осудить "высшие сферы" за сношения их с Распутиным, привело лишь к тому, что, по указанию свыше, были приняты меры к охране личности "святого", а смелый грешник был поставлен под негласный надзор 5.

Ректор Духовной академии о. Феофан, раскусивший, наконец, Распутина должным образом и принесший пред "высочайшими особами" как бы "покаянную" в рекомендации им некогда сомнительного "праведника", навлек тем на себя жестокою опалу и, несмотря на все свои заслуги, несмотря на то, что служил раньше духовником самой императрицы, был вскоре после этого перемещен, вернее сослан (по постановлению Синода!) в Таврическую губернию. ("Царица выгнала от себя, когда он начал говорить про Гришу неподобное", - сообщает Илиодор в памятной записке, послужившей конспектом для книжки "Святой чорт").

Не преуспел в избавлении Романовых от ига этого "святого" и В. Н. Коковцов, в бытность свою председателем совета министров.

По словам б. французского посла Палеолога - друга Коковцова - последний 1-го марта 1912 г. умолял царя разрешить ему отослать Григория обратно в его

родную деревню. - "Этот человек овладел доверием вашего величества. Это шарлатан и негодяй наихудшей породы. Общественное мнение против него. Газеты...". Царь прервал своего министра презрительной улыбкой: "Вы обращаете внимание на газеты?" "Да, государь, когда они нападают на моего государя и от этого страдает престиж его власти. А в данном случае наиболее лояльные газеты оказываются наиболее суровыми в своей критике". С скучающим видом царь опять прервал его: "эти критики бессмысленные. Я знаю Распутина". Кокцов не знал, стоило ли продолжать. Однако он закончил: "государь, ради династии, ради вашего наследника, умоляю вас, дайте мне принять необходимые меры, чтобы Распутин вернулся в свою деревню и никогда больше не возвращался". Царь ответил холодно: "Я ему сам скажу, чтоб он уехал и не приезжал больше". "Должен ли я считать это решением вашего величества?" - "Это мое решение". Затем, посмотрев на часы, которые показывали половину первого пополудни, царь протянул Кокцову руку: "До свидания, Владимир Николаевич, я вас больше не задерживаю" 6.

В 1911 г. сам вернейше-подданный иеромонах Илиодор, бывший смиренным поклонником "святого простеца", решил, наконец, "с царями сцепиться" и "их дернуть за то, что они с такою сволочью, как Григорий Распутин, возятся". "Посмотрю, - говорил он епископу Гермогену в Царицыне, - откажутся они от этого подлеца или нет. А то это что же: мы за них здесь умираем, изводимся, а они там бог знает что разделявают с распутником..." 7.

План Илиодора и Гермогена - раз навсегда скомпрометировать Распутина в глазах царей, уличив его перед свидетелями 8 в блуде, мерзостях и злоупотреблении "священным сосудом" самодержавия, - был выполнен блестяще, как в кабинете Гермогена, куда Распутин заманил хитростью и избили, в довершение внушения, крестом по голове, так и в соборе, где его заставили поклясться перед мощами не переступать порога царских дворцов. Но результаты такого "шелмования" оказались самыми плачевными для его инициаторов: Николай II, поверив Распутину, что на жизнь его было совершено завистливыми пастырями покушение, - заточил Илиодора во Флорищеву пустынь, а самого Гермогена - в Жировицкпй монастырь.

В 1914 году всплыли перед читающей публикой новые разоблачения "старца", в связи уж с настоящим, а не вымышленным покушением на его жизнь. Обвинялась портниха из Царицына Хиония (Феония) Кузьминишна Гусева (28-ми лет), сифилитичка, с провалившимся носом, мстившая Распутину отчасти за поруганную честь некоей монахини Ксении, отчасти за свергнутого им Илиодора, отчасти же за отвергнутые ласки самой Хионии ("не пускать эту рожу", - приказал разборчивый "старец"). Гусева пробралась на родину Распутина и ранила его в живот кинжалом, метившим, по-видимому, в половые органы (оказался задетым мочевой пузырь).

"Так как вообще с мнением Гусевой о разделке с Гришкой я был согласен, пишет Илиодор в своих записках ("Святой чорт"), - то не препятствовал, когда в октябре месяце 1913 года среди моих гостей образовалась компания из обиженных Распутиным девушек и женщин для оскпления "блаженного старца". Компания эта уже была готова к "делу", уже были пошиты великосветские платья, как явился предатель Сеницын... Он донес об этом Распутину... И дело провалилось... Хиония же Гусева тогда же решила дело поставить на очередь и хотя од-

ной, - а довести его до конца" 9.

Когда, в связи с этим покушением на Распутина, "Биржевые Ведомости" отказались дать место столь скандальным данным о подвигах придворного "святого", что ни у кого уж не осталось сомнения в овечьей маске этого "волка", - Николай II (осведомляемый в то время самим министром юстиции И. Г. Щегловитовым о ходе следствия) остался в результате все-таки непоколебленным в своей любви и преданности к пострадавшему "старцу". Газетам же с тех пор было строжайшим образом предписано не сметь касаться более личности Г. Е. Распутина, переменившего к тому времени свою предательскую кличку на фамилию Новых 10.

Стараться разуверить Николая II в святости Распутина стало вскоре, в глазах некоторых, какой-то смехотворно-невыполнимой задачей. - Когда б. председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, например, решился, в связи с попавшими в его руки (от Илиодора) письмами царицы и ее дочерей к Распутину, посоветовать Николаю II выслать "человека божьего" из Петербурга, - П. Г. Курлов и его клика, нейтрально относившиеся к "отцу Григорию", сочли такой поступок просто дурацким со стороны председателя Государственной Думы. "Нужно быть таким самоуверенным и таким ограниченным человеком, как Родзянко, чтобы удивляться и быть недовольным, когда его совет не имел никакого успеха", - смеется П. Г. Курлов в своих воспоминаниях 11.

Чего же больше! Сама родная мать Николая II, сама родная сестра Александры Федоровны, и те, как ни старались, не смогли развенчать "старца" в глазах своего упрямого родственника. И Марии Федоровне, и Елизавете Федоровне последний отвечал всегда самоуверенно и неизменно одно и то же: "Это все клевета. Впрочем, на святых всегда клеветают" 12.

Раз "на святых всегда клеветают", а Распутин "святой", - тут разумеется, все, без исключения, должны были потерпеть полное фиаско в просветлении Николая II. С таким силлогизмом ничего не поделаешь! - Тут встанет в тупик и мудрейший знаток логики на свете!

Но так как законы логики были не писаны для большинства военных старого закала и так как некоторым из них казалось, что стену удастся в некоторых случаях прошибить своим лбом, то великий князь Николай Николаевич, - эта "кавалерийская косточка", как его называли товарищи по оружию, - предпринял в начале войны вновь шаги к разубедению Николая II в святости "отца Григория", путем личного, родственного воздействия на монарха.

Николай Николаевич, впрочем, считал, что ему особенно легко достичь желанного по той простой причине, что он был, как и царь, мистиком-спиритом и вместе с тем лицом, представившим ему в 1906 году, вместе с женой своею Анастасией (тогда еще невестой), их бывшего фаворита о. Григория. Так как близкое знакомство с ним скоро раскрыло глаза Николаю Николаевичу на истинную сущность рекомендованного им царю "подвижника", то великий князь, сознав свою ошибку, стал тревожиться, как бы она не стала роковой для династии. Время настало грозное: - война с превосходившим своей военной культурой неприятелем; положение главнокомандующего всеми боевыми силами внушало чувство широкой ответственности перед народом: народ знал, что при дворе творится некое "непотребство" под влиянием Гришки Распутина!.. - И великий князь, как главнокомандующий на фронте, решил обезопасить тыл удалением от

царя виновника такого "непотребства".

Сказано - сделано! - и вот, в конце 1914 года, Николай Николаевич, через посредство своего управляющего хозяйственной частью дворца полковника Балинского, обращается к директору департамента полиции С. П. Белецкому с просьбой дать сведения о порочных наклонностях Распутина, "так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда" 13.

Получив просимые сведения, почерпнутые С. П. Белецким из имевшейся у него лично на руках филерской сводки о скандальном поведении Распутина, в. кн. Николай Николаевич отправился немедленно к своему "высокому тезке" и "умолял, заклинал царя, - как пишет Палеолог, - прогнать гнусного мужика" 14, несколько раз возобновляя попытку. Ничего не вышло.

"На святых всегда клеветуют".

"Распутин - святой".

"На Распутина клеветуют".

Перед этим силлогизмом главнокомандующий русскими армиями оказался еще немощнее, чем перед вражескими немецкими полчищами.

Этот пример, однако, оказался слишком заразительным для остальных членов семьи Романовых. - "Вы знаете, В. М., - разоткровенничался как-то старый вел. кн. Николай Михайлович пред В. М. Пуришкевичем, - что почти вся наша семья Романовых подала государю записку о Распутине, прося взять бразды правления над Россией в свои руки и прекратить вмешательство в государственные дела императрицы Александры Федоровны, во всем инспирируемой этим хлыстом; из записки, как и следовало ожидать, конечно, ничего не вышло. Я ее даже не подписал... Я сделал иначе: получив серьезное поручение от государя и выполнив его, я написал доклад... Хотите... я вам прочту этот доклад". - В. М. Пуришкевич выразил желание его прослушать, и Николай Михайлович, прочел ему "небольшую, но очень сильно и резко написанную записку, в коей обращалось внимание государя на то, что в случае дальнейшего вмешательства Александры Федоровны и Распутина в государственные дела, династии грозит гибель, а российской империи - катастрофа" 15.

Результатом этого доклада, как известно, явилась "немильность" царя к Николаю Михайловичу, "опала" и "полное охлаждение" к нему фанатичного апологета "святости" Распутина.

После всех этих афронтов "высочайших лиц", безрезультатными, само собой разумеется, оказались и попытки других сановных противников Распутина разоблачить последнего в глазах столь слепо в него веровавшего. - По-видимому, уж слишком подходящим, уж чересчур соблазнительным для этого показался такой повод, как "исторический" в своем роде скандал, учиненный 26-го марта 1915 года Распутиным в московском ресторане "Яр".

На этом скандале стоит остановить наше внимание потому, что Распутин предстает в нем перед нами во весь свой гигантский рост распоясанного "святого", охмелевшего до последней степени и обнаглевшего во хмелю до полного, казалось бы, выявления своего настоящего "лика".

Он приехал в Москву - как он сам "раззвонил" - побуждаемый к тому благочестивым порывом: - помолиться в Кремле на могиле патриарха Гермогена, во исполнение обета, данного год перед этим, когда, раненый, он находился при-

смерти.

О том, как он исполнил утром этот обет на патриаршей могиле - история умолчала. - О том же, как он ужинал вечером в "Яре", заговорила вскоре вся Москва.

Как передавал Палеологу один из родственников московского градоначальника Адрианова, "с Распутиным были два журналиста и три молодые женщины, из которых, по крайней мере, одна, принадлежала к лучшему обществу Москвы. Ужин начался около полуночи. Было много выпито. Балалаечники исполняли национальные мотивы. Сильно разгоряченный, Распутин принялся рассказывать с циничным воодушевлением о своих любовных похождениях в Петрограде, называя по фамилиям женщин, которые ему отдавались, раздевая их одну за другой, сообщая о каждой какую-нибудь интимную особенность, какую-нибудь смешную или скабрёзную подробность" 16.

До каких откровенностей доходил иногда этот "старец", мы знаем хотя бы из копии протокола показаний б. иеромонаха Илиодора, (привлекавшегося по ст. 103 бывш. Уголовного Уложения), в каковых показаниях приведены по-видимому "общие места" рассказов "старца" о своей придворной карьере.

"Царь и царица, - хвастал обычно Распутин, - становились передо мной на колени и целовали мои ноги. Государь называл меня Христом, императрица во всем слушалась меня. Когда я прихожу, она кладет голову на плечо ко мне. Я беру ее на руки свои, жму ее и на руках ношу ее. Я хожу по дворцу, как по своему дому. Для меня всегда открыты двери в детскую царской семьи" и т. п.

После ужина вслед за оркестром балалаечников появился женский хор. Показывая певичкам жилет, вышитый "старушкой" (так называл Распутин Александру Федоровну), пьяный "старец" тут же прибавил про "самодержицу всея России":

"Я делаю с ней всё, что хочу" 17.

Начав с жилета, Распутин кончил тем, что "сбросил с себя платье и предстал перед хором в таком виде, что все хористки потребовали немедленного его удаления, заявив при этом, что они петь не будут. Распутин на это ответил: "В царской семье я показывался, может быть, еще в более интересном виде" 18.

По сведениям пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы подполковника Семенова, поведение Распутина в эту ночь "приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он, будто бы, обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: "люби бескорыстно" и пр. 19. Поднялся невероятный скандал. Присутствовавшие настаивали на составлении протокола. "Приехал градоначальник Адрианов и стал успокаивать хор и просить не составлять протокола, так как это не понравится царской семье" 20.

По другим источникам, генерал Адрианов хотел доложить царю о скандале, но дворцовый комендант генерал Воейков не допустил его до этого, а Адрианов обратился тогда к генералу Джунковскому, пользовавшемуся правом непосредственного доклада Николаю II, исходатайствованным ему еще Н. А. Маклаковым.

Джунковский, ярый противник Распутина, несколько раз уже пытавшийся представить его в надлежащем свете "пред очами императора", был рад, конечно, воспользоваться адриановскими сведениями об инциденте в "Яре", чтобы

окончательно скомпрометировать "старца", столь оригинально исполнявшего обет молитвы в Москве на патриаршей могиле.

Николай II, не доверяя, как и следовало ожидать, "наветам" на "святого", поручил произвести дополнительное следствие по этому делу своему любимому адъютанту (интимному фавориту царицы) Саблину.

Последний, как это ни было ему тяжело, должен был всецело подтвердить справедливость показаний Джунковского и Адрианова.

Что тут было делать? Факты оказались, несмотря на "высочайшую волю", непроверяемы.

Тогда Николай II, Александра Федоровна и ее "знаменитая" подруга Анна Вырубова решили втроем, что "адские силы расставили их святому другу страшную ловушку и что "божий человек не отделался бы так дешево без божьей помощи" 21.

После этого приверженцам династии Романовых, желавшим, наперекор всему историческому ходу развития революции в России, спасти во что бы то ни стало и какую угодно ценой эту несчастную династию, осталось только одно: - убить Распутина.

Первым, кто хотел это сделать из числа верноподданных Николая II, был ялтинский градоначальник, известный в свое время черносотенец типа Держиморды - генерал Думбадзе. - С. П. Белецкий передает, что во время его управления департаментом полиции при министре Н. А. Маклакове, когда семья Романовых вместе со "старцем" находилась в Ливадии, Думбадзе послал "лично" Белецкому шифрованную телеграмму, гласившую: "Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту". Белецкий передал эту телеграмму "в собственные руки Н. А. Маклакова", который, как выяснилось в дальнейшем, не дал ей никакого хода. Один из планов убийства Распутина, по справке впоследствии Белецкого, состоял у автора этого плана в следующем: над Ялтой высится скала, на которой построен одним московским купцом "железный замок"; Думбадзе думал завлечь туда Распутина и сбросить его вниз. Второй план Думбадзе состоял в "разбойном нападении" на "старца". Третий план, согласно его телеграмме Белецкому, - убить Распутина на катере по дороге его в Ялту и сбросить труп в море.

О покушении на жизнь Распутина в селе Покровском, организованном, как утверждают некоторые, "самим" Илиодором (инспирировавшим якобы Хионию Гусеву), - покушении, только случайно не удавшемся, к искреннему огорчению многочисленных врагом "старца", мы уже говорили вскользь, и нет нужды, пожалуй, в нашем кратком очерке возвращаться к подробностям этого "путанного" дела.

Автором третьего по счету покушения на жизнь "богоспасаемого" Григория Ефимовича история определенно называет бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова, оказавшегося столь обязанным в своей карьере Распутину и столь, увы, неблагодарным своему покровителю, как это видно из показаний самого Хвостова Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства в 1917 г. 22 По словам Белецкого, "избавление от Распутина, - как полагал Хвостов - очистит атмосферу около трона, внесет полное удовлетворение в общественную среду... умиротворит настроение Государственной Думы и подымет в глазах общества, Думы и Совета наш престиж" 23, т.-е. престиж той самой власти, ко-

торую допустила к "кормилу правления" воля того же Распутина... Благодаря предательству хитрого Белецкого, бывшего конфидентом Хвостова (на правах соучастника в деле "очищения атмосферы около трона"), предательству, обусловленному высокомерием Хвостова, не посчитавшегося с личным самолюбием своего сподвижника; грандиозный план этого убийства, наемными руками афериста-охранника Ржевского, остался неосуществленным, а сам Хвостов - в отставке.

Прикончить житие "святого", в продолжение стольких лет спасавшего своими "подвигами" чету "благочестивейших" Романовых и его присных, сподобились, наконец князь, Ф. Ф. Юсупов (граф Сумароков-Эльстон) и В. М. Пуришкевич, при пособничестве вел. кн. Дмитрия Павловича, доктора С. С. Лазаверта и поручика С. - "Старца" заманили на такую вкусную приманку, как красавица кн. И., в Юсуповский дворец, накормили там отравленными пирожными, напоили отравленным вином, а когда цианистый калий не оправдал ожидавшейся скорости действия, "святого" застрелили, раздробив ему вдобавок голову тяжелой гирей.

По-видимому, сам бог, который столько раз спасал эту "драгоценную" жизнь, - и тот разочаровался со временем в достоинствах "святого", а разочаровавшись, отказался наконец, не зирая на горячие молитвы Романовых, от всяческой небесной охраны.

Убили "святого", а на другой день, по иронии судьбы, все газеты, словно сговорившись 24, огласили, что убили какую-то собаку.

"Собаке - собачья смерть", говорили ничего не понимавшие читатели газет и почитатели Распутина. "Собаке - собачья смерть", повторяли они, и никто из них, конечно, не только не прослезился, но даже не перекрестился.

II.

ЖИТИЕ.

Каждому святому подобает делать чудеса. Ни один порядочный святой не может обойтись без них. "Делать чудеса" - это, можно сказать, функция святого, по которой главнейшим образом и квалифицируется каждый святой.

Распутин тоже делал "чудеса" и делал их изрядно много. Не прославь он себя "чудесами", стал бы разве Николай II так упорно и горячо считать его за "святого", несмотря на целый ряд разубеждений со стороны его верноподданных и даже его кровно-близких.

Как делал "чудеса" Распутин, мы рассмотрим в одной из следующих глав; в этой же мы сперва ознакомимся, какие чудеса ему приписывались, т.-е. в чем именно эти чудеса состояли.

Собственно говоря, "чудес" в жизни Распутина было так много, что, при прилежном изучении его биографии, начинаешь видеть в ней не просто жизнь прославленного смертного, а как бы житие замечательного чудотворца.

И правда! Разве все его "обращение" на "путь истины", его головокружительная карьера, его мировая слава, его отдельные, исторически-незабвенные "подвиги", - разве всё это не чудеса в наш "просвещенный век" и разве цепь этих чудес не представляется каким-то "житием", еще не включенным в наши Четьи-Миней?

В главнейших чертах "житие" сие, согласно имеющимся данным 25 представляет собою следующий ряд приснопамятных для "православных" событий.